

Исповедь маленькой души

Елена Завацки

Елена Завацки

Исповедь маленькой души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68043341

SelfPub; 2024

Аннотация

Елена Завацки считает себя типичным неудачником и ненавидит свою серую унылую жизнь. Нелюбимая работа, натянутые семейные отношения, трудности в общении с окружающими и страх ответственности в принятии даже самых простых решений (не говоря уже о жизненно важных) – всё вызывает в ней чуть ли не гнетущее желание покончить с собой. Когда в её жизни начинают происходить нелогичные, а порой даже жутковатые вещи, переходящие грань реальности, она поначалу не особо удивляется. Но странности множатся, а люди, которые с некоторых пор её окружают, вообще крайне необычные, да и люди ли это в принципе? Бесспорно одно: после знакомства с ними жизнь Елены становится намного ярче и интересней.

Содержание

Письмо первое. Психолог	4
Письмо второе. Немыслимая встреча	12
Письмо третье. Больница	16
Письмо четвертое. Побег	21
Письмо пятое. Поиски	28
Письмо шестое. «I»	35
Письмо седьмое. Благополучие ли?..	42
Письмо восьмое. Приятное знакомство	46
Письмо девятое. Асари	58
Письмо десятое. Решение	68
Письмо одиннадцатое. Сеанс	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Елена Завацки

Исповедь маленькой души

Письмо первое. Психолог

Здравствуй, мой дорогой и милый друг!

Точно сказать не могу, помнишь ли ты, что я легкомысленно обещала написать тебе пару приятных строк, пожелать, по обыкновению, удачи и счастья, здоровья и благополучия, а может, из твоей памяти вылетело не только моё имя, но и само моё существование в целом. Да, скорее всего, второе. Так вот, скажу: я искренне тебе желаю всего того, что не удалось донести в прошлом, мне уже недоступном.

Однако все мои мысли сосредоточены на выборе, который предстоит сделать, на преступлении (хотя стоит ли называть это преступлением?), которое вот-вот совершится. По своей натуре я человек неуверенный, поэтому непонятно, что выберу. Шестое чувство – та самая женская интуиция – мне подсказывает, что в любом случае произойдёт что-то невероятное. Но пока нет ни сил, ни возможности двигаться дальше: кишечник давит тоска, почки – страх, а голова пухнет и разрывается на мелкие кусочки от всех мыслей и воспоминаний. Только закончатся отведённые секунды, она взорвётся, как пороховая бочка!

Хорошо, опустим вступление и всевозможные невзрачные мысли о вероятном будущем: время возложить на тебя бремя хранителя истории, поведав правду о довольно необычных событиях моей жизни, которые я бессовестно ото всех скрыла.

Переломный момент, начавший отделять меня от реальности, случился в то последнее лето, которое я практически безмятежно прожила в одном провинциальном городе. Если ты помнишь, я работала на тот момент в «Охране». По состоянию здоровья, после недельного праздного отпуска, проведённого в столице, я ушла на больничный. Своё негодование начальник всецело передал мне прямо в ухо из динамика моего телефона: работа без специалиста упрямо встала, как старая кобыла посреди дороги, а я наплевала на неё так же, как начальник – на мои растоптанные чувства и маленькую зарплату! Вспоминаю сейчас тот момент с улыбкой лишь потому, что проработала я после этого недолго и бесстыже упорхнула, как прекрасный мотылёк из когтистых ловких лап рыжей коварной кошки.

Терапевт – симпатичная кудрявая женщина средних лет – назначила мне кое-какие таблетки против стресса и уговорила посетить психолога. То ли из-за процветающего неумения отказывать людям (можешь считать эту причину оправданием всех моих поступков), то ли из-за корыстных целей, но я без сомнений согласилась. Конечно, самокопание я практиковала постоянно и в помощники вместо отдельно взятого

человека могла пригласить лишь пару тараканов из головы, но... Бесплатное посещение психолога в больничный? Почему бы и да!

И вот очередной вопрос психолога заставил меня вернуться в далёкое забытое прошлое, беззаботное детство, на тихий остров, который стал для меня недостижим с тех самых пор, как в восемнадцать лет со слезами и истерикой я его предала, променяв на шумный город на соединении двух глубоководных неторопливых рек.

Пока я пыталась расслабить прилипшую к крайне неудобному креслу поясницу в актовом зале, где проходил сеанс, картины города в моем воображении отходили на второй план, открывая мне приятный пейзаж детства: равнины и кукурузные поля сменились неповторимыми холмами и лесами; намагниченные облака отступили, а их место занял растелившийся в округе зябкий туман; влажный воздух наполнил благоговейный аромат соли и водорослей; дороги исчезли, уступив место тропинкам и полянам; вместо ив и берез удобно устроились тополя и пихты. И в своё неизменное прошлое я мысленно отправилась, пытаюсь ответить на всё тот же вопрос: «С какого возраста ты себя помнишь?»

Постепенно я начала вспоминать. Множество мыслей вперемешку вспыхнуло в больной голове, одни на другие насккивали и спотыкались, но все они, представ перед моим взором, казались не то печальными, не то постыдными, не то мелочными.

Я вспомнила, как повела подружек на речку далеко от дома, потом пряталась от их родителей, потому что побоялась взять на себя ответственность, а позже у подъезда меня отчитывали девчонки постарше. Как кто-то из родителей читал мне на ночь книжку, а я лежала, будто на иголках, боясь, как бы они не узнали, что я ходила в гости к мальчику, который не только мало мне был знаком, но и жил в чужом дворе. Как старший брат пугал меня ночью, притворившись, что у него в шалаше из пледа и настенного ковра появилась чья-то третья рука. Как в начальной школе я, забыв специальную рабочую тетрадь, рванула за ней домой, прогуляла урок и, уже стоя около кабинета, не решалась в него зайти вплоть до звонка на перемену. Как в первый раз пришла в кружок шитья «Мягкая игрушка», вместо положенной квадратной подушки для иголок сшила «решето» и быстренько спрятала его в карман, чтобы никто не смеялся над моей позорной неудачей. Как в летнем лагере мы ходили на озеро, где я чуть не утонула, а спасла меня какая-то девочка, имени и лица которой я даже не запомнила.

Я сидела и пыталась хоть как-то распределить эти воспоминания по годам. Всё перемешалось, как ингредиенты в кастрюле самого густого супа, остались видны лишь жалкие эпизоды прошлого и страхи, очень много страхов. И я горестно усмехнулась, понимая, что страхи переросли в болезненные фобии, а ненависть к себе – в трясущееся желание покончить с собой. Оно промелькнуло на жалкую секунду,

тело сразу передернуло и тут же отпустило.

Да, мой дорогой друг, я могу только размышлять о смерти, лишь представлять её, но встретиться с ней – всё равно что открыть незнакомую дверь. А с этим, как ты помнишь, у меня адские проблемы.

– Не знаю, – жалко протянула я без малейшего желания пересказывать всплывшие картинки, – наверное, лет так с шести, мы как раз тогда переехали в новую квартиру.

– Расскажи какое-нибудь событие из того времени, которое ты чётко помнишь.

– Помню, как я ходила в подготовительный класс, где часто сталкивалась с мальчиком, которому, судя по всему, нравилась. То он хотел подержать меня за руку, то положить руку на мою коленку. Из-за этих, казалось бы, безобидных приставаний я дико его невзлюбила.

– А какие отношения у тебя с родителями?

Отличный вопрос же? Мне он очень нравился, потому что становился риторическим, когда я пыталась с кем-то его обсудить. Что может быть утомительней, чем выкладывание изнанки своего существования незнакомому человеку?

Сколько себя помню, я всегда боялась свою маму. Сформированное собственное мнение у меня, кажется, из-за неё до сих пор отсутствует. Хорошее поведение, хорошие оценки, длинные волосы – основное, что она от меня требовала. Поэтому я убирала квартиру, поддельвала оценки в дневнике (не поверишь, в один год у меня их было два!), заплетала

косу до талии и старалась ничего плохого не рассказывать, чтобы её не разочаровать и не слышать, как она истерично кричит и жалуется на непоседливую дочь.

Сколько себя помню, я всегда старалась помогать своему отцу. В результате несчастного случая он потерял кисть правой руки, так что в любом деле, если могла, я помогала. Как ни странно, жалости, как к другим инвалидам, которые позже встречались в моей жизни, я не испытывала. У папы я научилась рыбачить, готовить вкусные блюда, разбирать, чинить, чистить и собирать обратно практически любое устройство, устанавливать и настраивать программы на компьютере, а также работать разнообразными инструментами. И разумеется, такие дела мне нравились куда больше, чем уборка, стирка и глажка белья!

Несмотря на довольно позитивный настрой, свою жизнь в нашей квартире я вспоминала с некоторой неприязнью и даже ненавистью. Понимаешь, это не те чувства, которые можно испытывать к незнакомцам на улице или в общественном транспорте, врагам в играх и кино, противным начальникам и лицемерным коллегам по работе, – это словно терзающий душу жирный червяк, о котором и думать-то нельзя, не то что говорить. В общем, моё сердце сковывали неприятные чувства из-за постоянного крика, мелочной истерики, пустого скандала, бранного слова в мой или чужой адрес. Из-за пьянок, из-за незнакомых гостей, из-за беготни за пивом в похмельное утро. А главное – из-за отсутствия нежности.

Я всегда боялась довериться родителям, поведать о своих истинных чувствах. Этаким недостаток любви, который я всё так безуспешно пыталась восполнить в собственных отношениях. И как итог – души не чаяла в квартире своей лучшей подруги, где отвлекалась от всех домашних проблем.

– Отношения? Хорошие... в основном. Конечно, были какие-то незначительные негативные моменты. Считаю себя папиной дочкой, но, к сожалению, папа остался там, а я выбрала город и приехала сюда с мамой. И хотя мы поддерживаем хорошие отношения, я с горечью признаю, что у меня нет должного взаимопонимания с ними. То есть, если у меня возникнут какие-то серьезные проблемы, я просто не смогу к ним обратиться за поддержкой.

– Когда они развелись, сколько лет тебе было? Как ты переживала их разрыв?

– Четырнадцать. Сначала я не представляла другой жизни, не понимала, что значит – «развестись», умоляла маму этого не делать. И к моему счастью, после их развода ничего не произошло, родители остались вместе, жили так же, как и раньше. Потом, конечно, всё поменялось и перекрутилось, но я в силу своего возраста не стала делать из этого катастрофу.

Время на часах непрерывно ползло к половине одиннадцатого, психолог нервно поглядывала в телефон, чтобы не пропустить момент, и, прервав меня на какой-то интересной и незначительной истории из прошлого, предложила продол-

жить сеанс на следующей неделе в то же время. Я любезно попрощалась и с неприятным осадком в душе, трясущимися от волнения коленками, ноющей от долгого сидения поясницей, а также с пульсирующей болью в правом виске угрюмо поплелась на автобус.

Стояло прекрасное августовское утро, быстро наполняющееся солнечным теплом. Но продолжавшийся больничный, полная свобода и жаркое лето – всё меркло в бездонной пучине собственных сожалений, разочарований, страхов и недостатков.

Письмо второе.

Немыслимая встреча

Депрессия (возможность хорошо отдохнуть и поразмыслить о наболевшем) длилась недолго. Но в это беспокойное время, когда я путала сны с реальностью, жалела и одновременно осуждала себя за детские постыдные поступки и мысли, забывала позвонить родственникам, друзьям и коллегам, меня одолевала тоска по прошлому и страх за будущее.

В школе, честно говоря, я никогда всерьёз не думала над будущей профессией и плыла по течению мелководной речки, которая, к сожалению, закончилась беспощадным голодным и коварным морем, волны которого унесли мою неподготовленную голову в тёмный широкий водоворот суровой реальности, а затем скинули на самое дно, где остались только безрадостные удары догорающего сердца.

Разговор с психологом абсолютно мне не помогал: я и так прекрасно себя понимала, а делиться чувствами и собственным мнением с посторонним человеком всегда считала чем-то недоступным и запредельным. Проблем у меня хватало, бесспорно, но я должна была решать их самостоятельно, действовать, не убегая от себя и принимая себя такой, какая я есть. Но кем я являлась на тот момент? И изменилась ли я?

Меня как личности-то не существовало, моё мнение —

уже безвкусная жвачка из навязчивого мнения других людей, устоявшихся предпочтений и бунтарской вредности. И прежде чем я такую жвачку выплюну, тысячу раз поклацаю зубами. Именно поэтому даже очевидный выбор в жизни мне давался непросто: лево или право, красное или синее? Не говоря уже о сложнейшем: уйти или остаться; бежать или бороться; жить или умереть?

Я могла целый день плевать в натяжной потолок, размышляя, что я люблю и люблю ли я это на самом деле (или это снова чьё-то влияние). В результате месяц напрасно пролетел, как стриж за окном: фиу! – и нет его.

И в тот обыкновенный день, по-моему, четвёртого сентября, я собралась на прогулку. Так как парк около дома недавно закрыли на реконструкцию, я, прыгнув в шумный маленький трамвайчик, рванула в центр города. Стояла прекрасная жарища, которую не могли испортить ни грустные школьники, ни толпы наплывших студентов, ни старушки, которым надо уступать место, ни наступающие на пятки рабочие будни.

В этом городе за последние прожитые здесь четыре года я освоилась очень хорошо, чтобы одиноко и бесцельно бродить по улочкам. Максимально медленно прошла по солнечной набережной, выпила наскучивший латте с ванильным сиропом и уже собралась сесть на площади в душный автобус, который довёз бы меня до следующего прогулочного пункта, как в толпе на остановке углядела до боли знакомое

лицо. Лицо юноши, который мне нравился со школьных вре-
мен и впоследствии ставший мне хорошим другом и неким
объектом для сравнения с моим молодым человеком.

Не веря глазам и несясь на всех парах, я радостно махала
высокому черноволосому парню с длинным щетинистым ли-
цом и мягкими глазами цвета кофе с молоком. Однако, пе-
ребежав дорогу на мигающем светофоре и подойдя поближе,
я вдруг замерла. Немыслимо! Я так разволновалась, что сра-
зу не сообразила: сейчас человек, которого замыленные гла-
за узнали на остановке, должен находиться на другом конце
страны и учиться на стоматолога. Понимаешь, он даже тео-
ретически не мог попасть на остановку в этом городе! И ведь
его лицо я узнаю из тысячи!

Пока я пыталась отыскать его в нахлынувшей из раздутого
автобуса толпе, мои уши залил пронзительный звук. БУМ!
С горы разрезал воздух громогласный звон колокола! Голо-
ва затрещала, виски сдавило, перед глазами помутнело, те-
ло повалилось вперёд. Я грохнулась на колени, осколок зе-
лёного стекла тут же впился в потную ладонь. В одну секун-
ду в плывущем сознании перемешались и спутались в еди-
ный клубок абсолютно все люди, которых я когда-либо зна-
ла. Словно в самом прекрасном сне: родители, друзья, одно-
классники, однокурсники, знакомые, коллеги, родные люди
– все знали друг друга и оживлённо болтали в каком-то од-
ном месте с расплывчатыми очертаниями. Поток этих виде-
ний не смыла даже адская боль от пореза.

Кто-то из прохожих предложил помощь, но я отмахнулась окровавленной кистью, попыталась встать и заткнуть пронизывающий гул в ушах. Но ничего не удалось. БУМ! Колокол ударил ещё раз, звук усилился и превратился в холодный протяжный свист тысячи людей; ноги снова подкосились, и я, падая, инстинктивно схватилась за попавшийся под руку чёрный плащ. Народ озадаченно расступился, а мужчина, на котором я бессовестно повисла, приподнял меня и отнёс к скамейке.

– Вам плохо? – пронёсся его вопрос будто издалека.

Пока он вызывал такси, перевязывал какой-то тканью кровавую грязную руку, аккуратно усаживал вялое тело на заднее сиденье, просил таксиста ехать быстрее, приоткрыть окно, объехать площади, объяснял, где и куда свернуть, я облегченно давилась слезами в предобморочном состоянии, полностью положившись на свой тревожный слух. А в момент, когда мы съехали с проспекта и начали подсакивать на кочках, я максимально отдалила от себя рёв двигателя, закрыла влажные глаза и беспечно задремала, словно меня укачали прохладные волны родного пролива.

Письмо третье. Больница

Очнулась я в 18:31 на чистой больничной койке рядом с открытым настежь окном. Красное солнце безмятежно разливало игривые лучи тепла на пышные деревья и белоснежный, приятно пахнувший пододеяльник.

Я осмотрелась: внимание всецело поглотила висевшая на противоположной стене картина. Около дерева на берегу реки, тонущей в алом закате, обнаженная женщина с длинными волосами встретила с ревушим бурым медведем. Её лицо не выражало страха, лишь недовольство, но руки были приподняты, будто она уже сдалась и приготовилась к худшему. Только вот и грозного медведя ожидал неприятный сюрприз: стоящий позади, еле заметный в тени скалы охотник не только нацелил на добычу своё ружьё, но и успел нажать на спусковой крючок.

Слева от картины, в верхнем углу палаты, как голодный паук в прекрасно сшитой паутине, тосковал выключенный небольшой телевизор, под ним – деревянный стул; справа вжимался в стену, как застенчивый пухлый ребёнок, белый безвкусный комод. На нём равнодушно тикали настольные часы.

Я резко встала – подол серовато-жёлтого балахона безмятежно лёг на пол, втиснулась в кем-то любезно приготовленные тонкие тапочки и подошла к двери. Потянулась к ручке,

замерла и прислушалась, не идёт ли кто с другой стороны. Спустя пару минут в отчаянии отдёргнула дрожащую кисть и снова прыгнула на жёсткий матрас под спасительное шёлковое одеяло. Горячие слезы безостановочно потекли ручьями из глаз. Всё-таки немало времени пролетело, а страх всё ещё жил внутри, всё ещё пожирал моё сердце. Прежде мне пришлось чуть ли не все двери поликлиники открыть, а тут – ни одной, в голове только и шарил назойливый червяк, приговаривая: «не трогай, не открывай».

Слезы бессилия и кислород под одеялом дружно кончились, пришлось вернуться в привычное состояние. Через какое-то время в палату максимально тихо вошла высокая худая медсестра.

– Елена, вы очнулись? Добрый вечер, – радостно поприветствовала она и подошла ближе, – ох, вы плакали? Что-то случилось?

Ласковые глаза небесного цвета лучились искренним интересом к моей проблеме и бескорыстным сочувствием. Тревожное и заботливое выражение сразу напомнило одноклассницу, которая – такой же отзывчивый и неравнодушный человек – выучилась на медсестру скорой помощи.

– Нет, – растерянно ответила я, быстро смахивая углом пододеяльника оставшуюся влагу, – всё в порядке.

– Если вы в этом уверены, то я не буду настаивать, – она выдержала паузу, а потом, не дождавшись моего ответа, продолжила: – Тот мужчина, который привёз вас, удачно пред-

положил, что вы очнётесь под вечер. Как вы себя чувствуете?

– В целом хорошо, спасибо. А тот мужчина, – я перешла на шёпот, – он здесь?

– Нет, что вы! Он принёс вас и сразу же уехал.

– Простите, – я смущенно опустила глаза, – а как он хотя бы выглядел?

– Высокий шатен в бордовом смокинге. Думаю, он спортсмен, так как, несмотря на все замечания врачей, самостоятельно втащил вас в палату и уложил на койку.

– Ну да, это очень тяжело, – я закатила глаза.

– Ну что вы! – она хихикнула. – Честно говоря, я впервые встретила человека с такой интересной особенностью: его зрачки редкого фиолетового цвета. И очевидно, не только меня они заинтересовали, всё отделение неотрывно наблюдало за ним, пока он оплачивал вам лечение и больничное место.

– Извините, оплачивал лечение?

– Да, этот мужчина оплатил вам полное обследование и дальнейший курс лечения, если у вас выявят какие-то заболевания. Так что спокойно отдыхайте здесь, пока мы будем заниматься вашим здоровьем. Ваш личный врач, Эмма Рюран, возьмёт все заботы на себя.

– Хорошо, – протянула я с сомнением, не понимая, радоваться ли мне открывшейся возможности или бежать отсюда со всех ног. – Кстати, а вы не подскажете, что это за больница?

– Да, конечно, – любезно отозвалась медсестра, – это психиатрическая клиника имени Шарля Пурло, город Этрета, Франция.

Горло превратилось в безжизненную пустыню. Я во Франции? Нет, стоп, не просто во Франции, а в психиатрической клинике во Франции?

– Несмешная шутка, хочу заметить...

– Если вы мне не верите, включите телевизор. Простите, мне пора посетить другого пациента, я зайду чуть позже.

Медсестра поспешно удалилась, избежав нежелательного допроса, так и застрявшего в моём сухом горле.

Внезапно все сомнения улетучились, мне захотелось бежать со всех ног. Но как добраться без денег из Франции в Россию? Не так, чёрт побери, я хотела попасть за границу!

Нервы шалили: я подпрыгнула, нарыла в первом ящике комода знакомую одежду, аккуратно сложенную и завернутую в газету на французском языке. Внутри кармана джинсов нащупала телефон, который, правда, не включался.

– Блин, батарейка окончательно села.

Раз связаться с родными и включить геолокацию не получилось, я решила посмотреть телевизор. Принимая во внимание возможность специальной смены каналов для проверки нервов пациентов, я нажала красную кнопку «вкл/выкл» с едкой усмешкой и максимальным спокойствием. Французский мелодичный язык бурным потоком полился с экрана: диктор сообщал о восстановительных работах в зоопарках

после непогоды или какого-то стихийного бедствия. Я щёлкала каналы, сначала из интереса, а потом с неистовым напором, ведь с каждым нажатием на кнопку надежда на то, что я в России, растворялась, как сахар в кипятке.

Значит, надо бежать! Хотя вроде мне и приглянулось это место. Во-первых, очень чисто и тихо, во-вторых, давно хотела обследоваться. Но против своей воли, не пойми как, оказаться в другой стране, в психбольнице, в палате с довольно удручающей картиной в полстены и французским балаболем в углу, а ещё без связи с родными – это уже чересчур! Тут любая психика начнёт сбоить!

Быстро переодевшись, я встала напротив двери молочно-го цвета и уставилась на неё, будто на врага, с которым непременно нужно сразиться, чтобы покинуть локацию. Спокойно и максимально медленно наполнила лёгкие порцией кислорода, взялась за ручку и дёрнула. Раз! – дверь тихонько отворилась.

Передо мной оказался бледный и пустынный больничный коридор, украшенный пучками живых цветов и забавными рисунками животных на противоположных дверях.

Сердце прыскало кровь в уши и подкашивало биением деревянные ноги, не желавшие и шага сделать. Но снова покрутив в голове мысль «алло, я в психушке во Франции» и сжав в руке телефон, я на цыпочках побрела вперёд в поисках выхода.

Письмо четвертое. Побег

Прозрачно-жёлтый коридор резко переходил в просторную круговую лестницу, совершенно выбивающуюся из нудного больничного интерьера. По обе стороны её оформляли изящные гладкие перила из золотого дуба. Вместо балясин пространство под гладкими лакированными поручнями заполнял резной растительный орнамент. Крупные эллиптические листья нежно переплетались с толстыми мясистыми стеблями и открывали вид на тонкие маленькие цветки с пятью овальными лепестками, похожими на лопасти вентилятора. Пахло жасмином и только что нарезанными апельсинами.

Лестничный пролёт украшала прекрасная каскадная люстра, ослепительно чистая и завораживающая. Составленная из хрустальных шариков на еле заметных ниточках, она изящно стекала с потолка третьего этажа волнистой струйкой, перекрученной, словно праздничный серпантин. Нежные рыже-золотые лучи слегка пробивались на шарики сквозь пышную листву деревьев и отскакивали радужными бликами, освещая тусклые стены и пол.

Пугающе громкая тишина внезапно сменилась женским хохотом, звонким и протяжным. Вслед с первого этажа донесли приближающееся шарканье и неразборчивые звуки французской речи.

Я, отрываясь от благоговейного очарования, от тонких ноток цветов и фруктов, от игривых солнечных зайчиков, как можно тише отлепила от пола свинцовые конечности, еле-еле залетела за угол просторного холла и чуть не снесла стоящую на пути в огромном белом горшке широколиственную пальму. Причитая, что даже во сне проще передвигаться, быстро присела и прижала тело к растению. Сердце бешено колотилось, будто хотело выпрыгнуть через покрасневшие уши.

Тем временем две медсестры поднялись на второй этаж и, смачно хохоча над каким-то анекдотом или забавной ситуацией, прошли мимо и скрылись за вторым поворотом.

Ещё раз насладившись эффектным уголком, ещё раз прислушавшись к каждому незначительному шороху и скрипу, ещё раз вдохнув головокружительный аромат, ещё раз сглотив слюну, я на цыпочках полетела вниз по гладким мраморным медово-коричневым ступеням.

Просторный холл заполнял практически всё пространство первого этажа. За широкой белой стойкой с объёмными буквами АЕ непрерывно печатали две блондинки в белоснежных выглаженных блузах и синих шейных платках. Чуть дальше от стойки регистрации за широкой стеклянной дверью виднелись пустующие сервированные столики, между которыми сновала пара сосредоточенных официантов; слева от лестницы молчали лифты, пустовали гардероб и двухместные, в том же заурядно синем, компактные диванчики

для посетителей.

Как следует пошарив лисьими глазами по помещению, я отыскала напротив стойки рекламный плакат на железной подставке и сразу, не дожидаясь чужих взглядов и возгласов, шмыгнула за него. Мне тут же открылся вид на выход из здания. Двустворчатая колоссальная дверь с железными тяжеловесными ручками представлялась не столько страшной, сколько притягательной и сказочной! Наконец дверь из бездушной преграды в моих глазах превратилась в превеликое спасение.

Я, ведомая свободой, рванула со всех ног к двери и всей силой могучего плеча навалилась на одну из створок. Искры посыпались из глаз, плечо чуть не вывернуло из сустава, а дверь так и не шелохнулась, только петли слегка усмехнулись надо мной коротким скрипом.

Слева что-то зашуршало. Я отпрыгнула и обернулась, приготовившись к худшему из возможных исходов. Но рядом со мной встал седовласый усатый охранник. Улыбка растеклась по его морщинистому круглому лицу. Он отряхнул крошки со своего надутого пуза, кивнул и положил крепкую волосатую кисть на резную ручку левой створки. И только в тот момент я заметила, что ручки представляли собой стебли, на верхних концах которых распустились прекрасные железные лилии, украшенные жёлто-зелёными, ярко-жёлтыми, коричневыми, изумрудными и молочными драгоценными камнями.

Мужчина, пытая, потянул с медвежьей силой дверцу на себя, та с жутким пронзительным скрипом ржавых петель поддалась и приоткрылась на такой промежуток, через который я с лёгкостью могла бы выскочить.

– Il faut réfléchir avant d'agir¹, – добродушно молвил он на прощанье огрубевшим голосом и указал рукой на яркий свет, сочившийся через щель.

– Спасибо, – ответила я, совершенно не представляя перевода его слов, и выскочила из здания, как запуганный зайчонок из сырой норки.

Учитывая уникальный и очень запоминающийся интерьер внутри клиники, части которого не подходили друг другу ни под каким предлогом, я ожидала за дверьми увидеть всё самое невозможное: от детской площадки с играющими на ней взрослыми до бескрайней долины, усеянной прекраснейшими кустами лаванды. Но больше всего, конечно, я надеялась на реалистичную картину. Например, диковинный сад или, если угодно, аллею – цветную каменную дорожку меж высоких стройных деревьев, купающихся в горящем огнём закате, с еле слышным щебетанием птичек в полудрёме, отдаленным гулом несущихся далеко-далеко фур и озадаченными возгласами таких же потерянных пациентов, слоняющихся туда-сюда под зорким присмотром медработников. В таком месте, возможно, тревожная душа и решила бы остаться...

---

¹ Подумай, прежде чем делать (фр.).

Но только дверь за спиной с грохотом захлопнулась, я оцепенела, будто передо мной возникли не мои фантазии, а самая настоящая горгона со своими озлобленными змеиными локонами. Пока мозг отказывался внимать происходящему, глаза безостановочно бегали по открывшейся картине.

Толпы машин с визгом и треском толкались в вечерней будничной пробке, у кого-то бомбила из опущенных окон раздражающая музыка, в центре площади всё так же неподвижно стояло изваяние некоему бессмертному писателю, люди сновали туда-сюда по тротуару, кто быстрым шагом, кто – прогулочным, а среди них выделялись целеустремленные курьеры в ядовитых цветастых куртках.

Лёгкие страстно принимали привычную вонь выхлопных газов, уши заливал оглушительный шум дороги, а нервы потихоньку приходили в норму под натиском до боли знакомой площади. И уже пару минут спустя я успокоилась так сильно, что воспоминание о невероятном приключении чуть не улетучилось из головы.

Полностью осознав возвращение в родной город, я развернулась. На обшарпанной деревянной створке обычной входной двери висело потускневшее пыльное объявление:

Парикмахерская „Нелюдимый“ переехала.

Новый адрес: ул. Шелкопрядная, шесть.

– Странно, – произнесла я самой себе с хрипотцой и не без опасения дёрнула ручку на себя, затем толкнула створку всё ещё ноющим плечом. Безрезультатно.

Я отошла от здания на пару-тройку метров и взглянула на него. Ничего, кроме старенького трехэтажного кирпичного дома. Одни окна закрывал невзрачный тюль, перед которым грелись на солнышке высокие лилово-розовые орхидеи в коричневых горшочках, другие же были разбиты и неуклюже заколочены досками. В общем, обычный полузаброшенный дом, на психбольницу во Франции он точно не походил...

Смех да и только! Только смеяться сил не хватало, перенапряжение отбивало чечётку в моей голове, хотелось просто-напросто забыть об этом дне, как о сне, страшном и назойливом.

Я неспешно доковыляла до дома, пережёвывая и переигрывая событие снова и снова, но так и не придя к однозначному логическому выводу. Дома оказалось, что я целую неделю провалялась «во Франции», а любимый абсолютно уверился в том, что я ездила к маме, даже показал отправленное с моего телефона сообщение: «Лёша, я у мамы, не волнуйся».

Об этом эпизоде я, разумеется, не решилась рассказать ни тебе, ни Алексею, ни родителям. С какой стороны ни посмотри, это или загадка человечества, или очередной бред больного.

Перед переездом в столицу я много раз проходила мимо того здания, случайно или специально, пару раз ловила живших там пенсионеров, которые истошно мне доказывали, что жили в этом доме всю жизнь и никакой больницы здесь нико-

гда не встречали, лишь мелкие конторы вроде «чересчур дорогушего» магазинчика или грязной парикмахерской. Ещё я искала психбольницу на карте Франции: ни Шарля Пурло, ни клиники в Этрете просто не существовало. Поэтому пришлось отделаться от тревоги и стресса мыслью о чудных мечтах и видениях.

Позже я бросила работу и уехала в город, где меня никто не знал, никто не ждал, никто...

Письмо пятое. Поиски

«Новый город – новые возможности!»

Хотела бы я так сказать о своём переезде, но что-то язык не повернулся. Поиск работы, готовка, уборка, ремонт и воспитание кота по кличке Принц – все до смерти скучные заботы легли на меня, как небо на плечи Атланта.

Ты знаешь, я из того типа людей, которые могут прожить хоть всю жизнь в четырёх стенах и шагу не ступить за порог: полетаю по дому с метлой, пособираю пыль да грязь, у плиты проторчу пару-тройку часов, авось что-то вкусное приготовлю, в инструкциях и статьях разберусь, всё починю и приляпаю, а если вдруг лень придёт, в интернет на неделю-другую уйду смело. Так теперь и вспоминаются когда-то кем-то сказанные слова: «Сколько дел дома ни делай, все не переделаешь».

Между тем время бежало. Лёша – единственный наш кормилец – из-за конфликтов свою работу бросил, а пока продолжались его бесконечные поиски нового рабочего места, бюджет подтаивал, как весенний снежок. После этого ростки ответственности нехотя взошли в моей душе, и я тоже начала откликаться на самые различные вакансии.

Но всё оказалось тщетно, никакой работодатель не хотел брать специалиста с одним-единственным годом опыта, без связей и смазливового личика. Айсберги терпения в душе та-

яли, наполняя океан ненавистью к себе и гневом по отношению к обществу всё больше и больше.

Чёрная полоса началась с отказа вуза. Я ходила в один из многочисленных вторников на собеседование, а в пятницу вечером мне пришло сообщение о том, что вуз не готов взять меня на работу. В тот же день я отыскала ещё пару вакансий, но в понедельник пришли отказы. Конечно, отрицательный ответ – это нормально, но мотивация угасала, как жёлтое пламя на спичке, а время неумолимо убегало под ручку с деньгами. Оставалось только махать им вслед платочком и смахивать горькие слезы.

И разумеется, на поиски, ко всему прочему, наложился ремонт. Мы уже успели содрать в одной из комнат старые обои и морально подготовиться к покраске потолка и батарей, к покупке новых обоев и мебели...

В тот момент меня убило.

Все стремления, когда-то жившие в сердце, сгорели бесследно; чувства превратились в чёрный горький ком безразличия; эмоции скрылись за маской поддельной любезности. Вся моя жизнь стала пустой и безрадостной. Снова. Только теперь за поддержкой и помощью обратиться не к кому, друзья остались позади, как и родители, кое-какие связи, с трудом завязанные, канули в Лету. В итоге планы рухнули под натиском лени, бессилия и жалости самой к себе.

Тогда-то и пришло осознание, что год опыта на моей первой серьёзной работе незаметно уплыл: как только я слы-

шала звонок или вибрацию на телефоне, наступала паника; при наборе номера руки дрожали, а пальцы отказывались нажимать кнопку «Вызов»; страх поджидал уже при выходе на улицу; посещение магазинов и метро превратилось в морально невыполнимый квест. Будто я вернулась в отправную точку. Начинай, говорят, сначала! А я устала. Только боль в груди, хочется то ли тихо рыдать в подушку, то ли волком выть на весь мир.

В апреле Лёша начал работать дистанционно, я же – гулять и читать романы. Читала запоем, но смысла не понимала, да, интересно, а в голове – шаром покати. Возможно, ждала знака свыше или пинка под зад. Согласись, знак и звучит лучше, чем пинок, но получила я именно второе.

После скучного празднования своего двадцать четвертого дня рождения и долгих раздумий я решила на подаренные родственниками деньги купить билет на самолет. Всё-таки пять лет прошло с последнего визита на малую родину, где жили отец со своей женой, бабушка, мои друзья и одноклассники.

Однако в тот прохладный майский день, когда я поехала за билетом, кое-что случилось.

Я радостно тащила в кассу всё, что у меня водилось в кармане, для покупки не столько билета туда-обратно на двадцать три дня с выгодной скидкой, сколько для возможности исправить и наладить свою жизнь. И полёт, и встречи должны были стать стимулом для новых свершений.

Улыбаясь своему воображению, красочно рисуящему реакцию знакомых, и спотыкаясь о неровно выложенную плитку, я порхала из метро к кассам. Но вдруг в мою сторону бесцеремонно двинулась толпа то ли школьников, то ли студентов. Стараясь от них увернуться, я на автомате двинулась вправо и тут же столкнулась с незнакомым юношей в кепке и капюшоне. И в этот момент он, быстро вырвав из рук мою сумку, помчался прочь!

– Вор! Стой! – завопила я диким голосом и понеслась за ним. Бежала я, правда, недолго: подкачали и туфли на невысоком каблуке, которые я так и не научилась нормально носить, и физическая подготовка. Упустив нахала из виду, я, задыхаясь, присела на ступеньку у ледяной белоснежной колонны.

– Не может быть...

Я истерично захохотала, позже хохот приглушили всхлипы.

Полнейший кошмар! Вот всегда старалась быть начеку, а тут такое! Ни паспорта, ни телефона, ни карт, ни долгожданного полёта. Только безнадёга, только слёзы, только отчаяние. Самое обидное, что не положила деньги на карту, может, успела бы всё перевести на сберегательный счёт...

Отдохнув полчаса после оформления заявления о краже в отделении полиции и пожевав жвачку из возможных исходов события с вором, будь я чуть внимательнее, без каких-то конкретных надежд я поплелась домой. Точнее, я надеялась,

что он находился в той стороне, куда я держала путь, ибо на метро денег не осталось, а направление узнавала по карте на остановках, до которых плелась, злая и расстроенная, как черепаха, но в красивых туфельках цвета бордо. Когда их выбирала, не представляла, что устрою адский марафон...

Шла я и всё размышляла: можно же попросить у прохожих мелочь... Что я потеряю? Капельку стыда? Да. Зато от страданий бы избавилась. Но что с волка-одиночки возьмешь? Я так и не научилась жить в обществе. Могу скалить зубы, рычать и гавкать, тогда как понимать, улыбаться и обращаться к людям – недоступное блаженство.

Гневно жалуясь на свою беспомощность и кровавые мозоли, а также стараясь не зареветь на глазах противного, не понимающего моих страданий общества, я доковыляла до сквера и плюхнулась на скамейку в тенёк. Скинула проклятую обувь с горящих стоп.

Прекрасный день: тёплая погодка, успокаивающее журчание воды в фонтане, заразительный смех детей и один человек... простой человек... жалкий...

Вдруг перед глазами, уставленными в пустоту, с протяжным скрипом затормозило переднее колесо велосипеда. Я приподняла голову и уставилась на забавного рыжего мальчонку лет пяти-шести с ясными жёлто-зелёными глазами. Он походил на маленькое солнышко, его лицо и руки с плеч до локтей были усыпаны веснушками, а колени – мелкими ссадинами, видимо, от неосторожной езды. Он изучал меня в

ответ.

– Э... Вы можете уступить нам место? – выпалил он, а затем неуверенно добавил: – Пожалуйста!

Все скамейки в сквере занимали и семьи с детьми, и студенты со школьниками, и старушки со стариками, лишь эту – один маленький человек.

– А с кем ты?

– С отцом. У него перерыв, поэтому он вышел со мной на прогулку. Вон он идёт, – мальчишка указал пальцем в направлении, откуда недавно приехал.

Я выглянула из-за кустов, которые загораживали мне практически весь обзор: по дорожке неторопливо, беседуя с кем-то по телефону, шагал в нашу сторону высокий, атлетично сложенный мужчина. Графитовый деловой костюм подчеркивал его мощную фигуру.

– Хорошо, – любезно выдавила я с улыбкой до ушей и, обувшись, энергично побрела дальше. Тем временем радостный мальчишка бросил свой велосипед и приютился на скамейке.

– Что-то ты слишком добра для человека, который только недавно всё потерял, – негромко отчитывала я себя.

– Девушка, девушка! – окликнул детский голос.

Я неуверенно обернулась: мальчонка неуклюже крутил педали велосипеда, пытаясь меня догнать.

– Вот, – он запыхался, – спасибо тебе. Это от отца. Просил тебе отдать и сказать: «Если тебе нужна работа, приходи в

мою компанию».

Мальчик протянул жёлтую тонкую, но плотную визитку, развернулся и помчался обратно. Мои не созревшие до конца вопросы вновь попусту повисли в воздухе.

Знаешь, тогда я поняла одну интересную особенность. множество самых разнообразных событий могут твориться вокруг нас и сотрясать воздух. Какие-то из них мы переживём, пронесём в себе, какие-то обойдут нас стороной, а другие поставят нас перед выбором. Но даже если мы поймаем смысл каждого из этих кусочков вселенской мозаики, общую картину мы даже если и увидим за короткую человеческую жизнь, то вряд ли поймём.

Письмо шестое. «I»

Очевидно, голова слетела с катушки, когда в её извилинах промелькнула шальная мысль избавиться от визитки. Только я с ленивым недоверием добралась до ноутбука и ради интереса «пробила» компанию в интернете, удивление тут же захлестнуло с головой! Отец рыжего кудрявого мальчонки оказался представителем корпорации «I» – одной из самых известных компаний-аутсорсеров в мире. Не сказка, не мечта, не сон, а реальный шанс, ковром расстелившийся на моём пути. Такое ни за что нельзя упустить!

Три недели в ожидании паспорта, а за ними пара бессонных нервных ночей пролетели незаметно. Бессонные ночи накрепко связали себя с невероятным количеством кофе, мутным представлением одревеневшей головы о будущей встрече и тщательной проработкой резюме (то есть безрассудным разбавлением его личностными и профессиональными качествами, которыми я однозначно не обладала).

И вот в предпоследний майский день, нарядившись в самую что ни на есть опрятную одежду в моём скудном гардеробе, припудрив как следует носик и взяв новенькую сумочку, с надеждой и волнением отправилась по указанному на визитке адресу. Тридцать минут потряслась со стабильным перед бурей спокойствием в шумном полупустом метро и очутилась на брусчатой грязно-серой площади перед авто-

матической дверью небоскрёба.

Прекрасная небесная синева и ослепительные лучи уже практически летнего солнца задорно отразились на чистом зеркальном фасаде и, следуя чьему-то коварному плану, кинули отблески, словно огненные стрелы, прямо мне в лицо. Сразу же по площади разлетелось моё неуправляемое чихание, я быстрым шагом залетела в тенёк и протёрла заслезившиеся глаза.

Пока я практически неподвижно стояла, сбившись с первоначально намеченного пути, как птенчик в своём первом полёте, подтянулась и гнетущая атмосфера неудачи: ноги приросли к холодному камню, руки взмокли, а сердце в груди упорно отбивало чечётку.

– Что же ты за человек такой? А ну, заходи! – ругала я себя. – Давай, это твой единственный шанс, решайся! Живо! Так, ноги, просто идём за этим парнем.

Из подземного перехода в сторону дверей вышагивал низкорослый худощавый юноша в белоснежном обличии: на голове – кепка с широким козырьком, закрывающая половину его бледного прямоугольного лица, и солнцезащитные очки; на туловище – идеально выглаженная рубашка, заправленная в свободно свисающие джинсы и затянутая ремнём, на ногах – массивные кроссовки. И абсолютно всё, кроме очков и пучка иссиня-чёрных выпирающих в разные стороны волос, сияло чистотой и белизной, будто этот человек участвовал в очередной рекламе порошка для стирки.

Как только он модельно прошагал мимо, я тут же, как хвостик за мышкой, подтянулась к нему. И хотя я не пыталась внимательно рассмотреть лицо своего спасителя, в память всё же вкралась его татуировка в виде цифры шесть под правым глазом.

Автоматические двери открылись, и я неуклюже прошмыгнула в здание.

Вестибюль наполнял лёгкий джаз и птичье щебетание. И как только я осмотрелась и скинула с себя пальто из удручающих мыслей, голову повело от восхищения! Слева от стойки информации полукругом развернулась стеклянная прозрачно-голубая лестница. Её перила частично закрывал разросшийся девичий виноград, а весь широкий стеклянный балкон заполняли бордово-рыжие кустарники, арки с пышными белыми розами, аккуратные конусовидные деревья в красно-розовой листве и деревянные кофейные столики, за которыми наслаждались напитками гости и работники бизнес-центра.

Из-за ограждения и кустов на лестницу вышел широкоплечий мускулистый садовник в жёлто-оранжевой форме и принялся скрупулёзно выбирать торчащие стебельки для среза. Своими действиями он случайно спугнул щебечущих белых птиц – они тут же вспорхнули и направились вглубь необычного сада.

– Вау! – я раскрыла рот и на автомате поплелась к администраторам.

Слева от стойки под балконом тоненькой стеной лился водопад, подсвечиваемый сверху голубыми, фиолетовыми и зелеными диодами. Как только человек в белом подошёл к нему, вода, как по приказу, расступилась, открыв за собой коридор для сотрудников.

– Вау! – все так же изумлённо восклицала я вполголоса.

– Здравствуйте. Чем я могу вам помочь? – спросила администратор, пока моя голова крутилась из стороны в сторону.

– Ох, да, день добрый, оживленно тут у вас.

– Вы по какому вопросу? Вам назначена встреча? – строго спросила девушка, поправляя очки в золотистой металлической оправе тоненькой кистью.

– Нет... Понимаете, дело в том... Мне дали визитку и пригласили на работу, – еле выдавила я, запинаясь.

На меня накатило какое-то чувство растерянности и удручённости, интерьер мне безумно нравился, но что-то, будто дятел, долбило по голове, отчего мысли сбивались в непонятные змеиные клубки, глаза бегали по помещению в поисках прекрасного, а язык молот абсолютный невнятный вздор.

– Хорошо, назовите, пожалуйста, имя сотрудника, который вас пригласил. Я назначу повторную встречу.

– Эм... извините, но, – паника сковала речь, – к сожалению, но я не встречалась с ним лично и не знаю, как его зовут.

– Я правильно понимаю, что вы вообще не знаете сотруд-

ника нашей компании? – девушка ещё раз поправила очки, но на меня взгляд не подняла.

– Да, правильно, – жалостливо промычала я, заметив застывший на мне любопытный взгляд соседнего администратора.

– Прошу прощения, но без назначенной встречи я не могу пустить вас к сотруднику, которого вы даже не знаете. Отбор сотрудников в нашей компании очень строгий, вам следует сначала направить резюме на электронную почту отдела кадров. Они примут решение, являетесь ли вы высококлассным специалистом с необходимыми для команды навыками и опытом, и пригласят вас на участие в конкурсе открытых вакансий.

– Понятно, – ляпнула я и быстро удалилась из этого проклятого здания.

Чересчур приветливое солнце беспощадно жгло нежную кожу, а я шла вперёд, не разбирая дороги. В ухо из наушника лился мамин возмущенный голос:

– Лена, нужно быть настойчивее, говорить с уверенностью. Почему они не захотели взять тебя на работу? Из-за образования? Говорила, не бросай университет... Сходи к ним в другой день, попробуй ещё раз.

– Я туда больше не пойду, мам, – отпиралась я, не в состоянии передать ей разъедающие нутро чувства нелепости и позора.

– Чего так? Не взяли один раз, возьмут в другой.

А дальше речи о себе, о даче, о брате – всё пустые слова...

Ноги унесли меня в какой-то тихий парк под прохладную тень сосен. Я бесцельно кружила в нём, уже слушая по видеосвязи мнение папы:

– Ну... с одной не получилось, не переживай, Ленка, найдешь другую. Мало вакансий в этой вашей столице, что ли? Ты, главное, не расстраивайся, вижу, лицо грустное. Может, денежку на мороженое подкинуть?

– Спасибо, пап, не надо. Как вы сами там?

Всё у них так же, всё живут...

Отчитавшись после полного провала и получив все-таки денег на мороженое, я приехала в свой район и засела в торговом центре «Лилия». Заказала горячий сливочный мокко и чизкейк, удобно расположилась за столиком у окна и в сотый раз перемолола диалог с администратором. В какой-то момент даже вытащила злосчастную визитку в поисках имени сотрудника из старенького потёртого кошелька. И почему я не дала девушке карточку, взглянула бы да узнала, кто мне её вручил.

Ни фамилии, ни имени, ни отчества. Как я могла упустить такую важную деталь? На одной стороне слева стояла буква «I», на обратной – указан адрес организации и номер телефона администрации.

Что я за человек? Почему сразу не догадалась, что мне подарили лишь ложную надежду? Ясно как день, таких неудач-

ников там явно не ждали... Жаль, что пропитанное безнадёжностью понимание лежавшей на поверхности истины пришло только после разбитой вдребезги использованной возможности.

Письмо седьмое. Благополучие ли?..

Удивительным образом сработало поражение: сразу же после крупного постыдного провала я взяла себя в руки и, посвятив всё безмятежное лето собеседованиям, наконец нашла заветное место в маленькой компании, занимающейся обслуживанием областных дорог. Ни на что особо не надеюсь, на встрече я выложила все свои сильные и слабые стороны, честно и без стеснения, а в резюме оставила только две строчки об образовании и о предыдущем месте работы. Скорее всего, кадровик, выбирая меня из кучки подобных специалистов, просто ошиблась с выбором... Но самомнение от этого только разросло.

Время бежало со скоростью гепарда, изящно несущегося за своей добычей, а я работала и работала, как лошадь, забыв обо всём: и о несуществующих мечтах, и о грандиозных планах, и о нарастающем потоке тревожных мыслей. Ха...

Мечты... Мечтала ли я что-то сделать в своей жизни? Сложно сказать наверняка. Стать архитектором или журналистом, колесить по странам и наслаждаться неопишными красотами, прыгнуть с парашютом или написать свой портрет, заняться музыкой или сочинять детские книжки – что-то из этого вполне могло занять вакантное место моей меч-

ты. Но работа научила мечтать. Просто и бесповоротно. Когда мечтать, если дело простаивает и без тебя оно с рельсов не сойдет? Когда жить, если завтра рано вставать? И как избавиться от дум о работе в короткие выходные?

«Нет времени – нет проблем!» – такой девиз потихоньку вклинивался в мою жизнь. Спасал ли он меня от проблем? Да, определенно. Помогал ли он их решить? Вот уж нет. Где-то я слышала такую фразу, что взрослые – это всего лишь выросшие дети. И печально, но это очевидная истина: проблемы не решаются сами собой лишь потому, что ты стал старше. Их, наоборот, становится всё больше. И глядя на то, как я могла создавать себе проблемы на ровном месте, например, начав рисовать детскую игру и продолжая делать это бесконечное дело на протяжении шести лет, я видела всю бессмысленность и мелочность собственной жизни. Искала ли я время, чтобы всё исправить? Обитало ли внутри меня стремление к лучшей жизни?

Каждый раз, укачиваясь в метро или автобусе по дороге домой, я записывала очередной невыполнимый список дел и представляла, как приеду, включу в наушниках музыку и понесусь делать это... нет, сначала вот это, потом то... и так далее. Но как только меня встречал порог квартиры, я наблюдала такую завораживающую картину: диван весь такой широкий и мягкий, одеяло тёплое и приятное, оба завлекают меня своими чарующими объятиями. Где же время? Где же стремление? Еду заказал, под одеяло нырнул и включил

сериал. Так вот желания и дела постепенно и ломались под тяжестью волн лени, равнодушия и усталости. Главное, почувствовать вину и отпустить её спустя пару скупых слезинок... Ведь как же не простить себя?

Да, ничтожная жизнь продолжалась. Рутинa сглаживала углы моего сознания, превращая его в посредственность, я менялась, становясь – так, по крайней мере, считало моё нутро – достойным человеком и смотря в зеркало без явного отворачивания. Принимало ли меня общество? Не уверена. Часто, встречая непонимание и наглость, бесстыдство и уродство человеческих душ, я продолжала испытывать неприязнь и страх, которые с явным удовольствием, как червяки отливающее золотом спелое яблоко, пожирали тело изнутри. Волнение и стыд тоже оставались моими верными спутниками.

Незаметно пролетел год, а следом – три месяца. За это время, помимо работы, я полностью погрязла в отношениях, как безвольная разбитая кукла, не сумевшая ощутить ни твердой почвы под ногами, ни сильной руки, которая могла бы помочь выбраться из зыбучих песков, ни моральной поддержки (пожалуй, самой необходимой вещи). Частенько закрадывалась поганая мысль, что в квартире, где мы с Лёшей жили вместе, стало как-то неуютно, некомфортно. Да, это определенно звоночек! Но мы мирно провалились в работу, в гаджеты, как последние идиоты. Что становилось с нашими отношениями – не наша головная боль... Лишь од-

но удерживающее мою тушу на месте правило я понимала чётко: открыться кому-то ещё – ни за что. Но пытаться вытянуть отношения только на своих плечах – непосильная ноша.

В итоге, спрятав багаж проблем за семью замками в дальний угол комнаты, я жила так же легко и непринужденно, как яркая бабочка на холмистом поле со сладкими жёлтыми лилиями. И искренне желала погружающимся в мир забвенных снов разумом лишь одного: чтобы никогда, никогда не наступила на мои босые пятки изголодавшаяся депрессивная осень.

И вот тридцатого декабря мне повстречался некий молодой человек, перевернувший всё с ног на голову так, что тело превратилось в неподъёмный мешок различных воспоминаний, а устои маленького человеческого сознания буквально рухнули, как стены храма при взрыве, оставив после пыль да обломки.

Письмо восьмое.

Приятное знакомство

Летом я с удовольствием ездила на работу со станции метро на самокате, зимой же пересела на автобус. Хотя зима на перевале старого и нового годов оказалась невероятно мягкой, сам факт езды на автобусе крайне раздражал, ибо я тратила на дорогу дополнительно двадцать минут. С капризами природы, конечно, не поспоришь, но и сама идея ехать спозаранку в снегопад и гололедицу на самокате ужасна, не правда ли?

Когда-то давно, по причине топографического кретинизма и постоянной путаницы с определением право и лево, я зареклась водить машину, мысли в эту сторону даже не поворачивались. Кроме того, бюджета ни на получение прав, ни на покупку автомобиля, ни на его обслуживание мы так и не завели, предпочитая «свободные» деньги тратить на гаджеты, походы в кинотеатры и еду.

Совершенно без праздничного настроения я возвращалась домой тридцатого декабря в полупустом автобусе; время двигалось к обеду, в животе назревала голодная буря. Досадно, что я не смогла остаться на торжественный обед, приготовленный нашим замечательным поваром, из-за часто появляющейся пульсирующей боли в правом виске. Дома пе-

рекусить, скорее всего, что-то да нашлось бы, но с остановки я понеслась напрямиком к торговому центру.

Сверкающие синие и золотистые огоньки новогодних украшений усыпали улицы, белые пышные хлопья безрезультатно пытались заполнить мокрый асфальт, а на каждой свободной пешеходной площадке возвышались скучные конусовидные искусственные ёлки в цветных нарядах и с пустыми коробками подарков под собой.

И вот, подходя к двери торгового центра и предвкушая, как я осушу тарелочку сырного супчика с шампиньонами да проглочу со зверским аппетитом тонкий блинчик с нежнейшей сёмгой, я наткнулась на юношу, который внимательно разглядывал клочок бумаги и пытался сориентироваться, куда ж ему повернуть и к какому дому направиться.

«Ох, не к добру всё это, но что ж, попробуем», – решила я и приблизилась.

– Молодой человек, вам нужна помощь? – вежливо спросила я.

Он хмыкнул, в сомнении пожал плечами, подал мне неаккуратно вырванный листок жёлтой бумаги и виновато произнёс:

– Выручите, пожалуйста, похоже, я заблудился.

Изумрудные глаза в надежде уставились на моё лицо. Я же опустила глаза на листок. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, куда юноша держит путь. Но это место ввело меня в ступор. Вот моя улица, вот мой дом, вот номер

квартиры, в которой я живу, вот моё имя, номер телефона...

– Здравствуй, Елена, – улыбнулся он, – возможно, это слегка неожиданно, но я ждал здесь именно тебя.

– Интересно, – многозначительно протянула я, несколько не испугавшись, скорее всего, из-за лютого голода, – именно в таких случаях нужно кричать: спасите, помогите, маньяк?

Мальчишка озадаченно скривился и опешил:

– Ох, ну что ты, не нужно так делать, давай я представлюсь, а после мы спокойно поговорим. Мне действительно необходима твоя помощь.

– В принципе, свободная минутка у меня есть, – нехотя ответила я, не устояв перед щенячьим взглядом, – но сначала я бы перекусила.

– Согласен. Меня зовут Вильям, и так как я нежданно-негаданно свалился тебе на голову, то угощаю.

– Звучит просто великолепно.

Ресторан, который выбрал Вильям, не шёл ни в какое сравнение с тем, о котором я грезила первоначально. Бессмысленная трата денег перед праздниками не влезала в план, поэтому и место для обеда я выбирала по карману. Вильяма же, судя по всему, ничего не смущало: он зашёл в самый дорогой ресторан в торговом центре.

Мы выбрали уединённый столик с полукруглым диваном в дальнем углу помещения. Я без стеснения прикончила овощной салат и стейк из оленя, а Вильям выпил пару чашек эспрессо без сахара. Сытая и довольная, я развалилась

на диванчике, живот одобрительно заработал, собеседник же напряженно смотрел на опустошенную чашку в грустной задумчивости.

– Вот мы и пришли к главному. О чём ты хотел поговорить?

– Понимаешь, просить об одолжении трудно, я обязан подбирать правильные слова, ведь у меня единственный шанс. Но сейчас я думаю, что совсем не наелся...

Вильям поднял руку. Официант моментально прилетел к столику.

– Двойную порцию рибая и два стейк-ассорти на четверых. Всё средней прожарки, без овощей и соусов. И, пожалуйста, – задумчиво протянул он и провёл пальцем по меню, – ещё одну чашечку эспрессо.

До того как юноша с дичайшим аппетитом уплёл три с половиной килограмма мяса и залил сверху чашечку кофе, он не проронил ни слова. Честно сказать, я ещё нигде и никогда не видела, чтобы кто-то проглотил столько мяса за десять минут.

– Отлично. Теперь я готов, – он промокнул губы салфеткой.

Я подвинулась поближе и замерла в ожидании. Юноша отодвинул со лба волнистую светло-русую прядь и серьезно уставился на меня зелёными глазами.

– Дело в том, что я ищу своего отца. И мне нужна твоя помощь в этом непростом деле.

– Отца?

– Ты – последний лучик надежды в этих поисках. Я искренне считаю, что ты с ним связана так называемой красной нитью судьбы. И не надо смеяться, я серьёзно. Конечно, если ты не веришь в судьбу, то, очевидно, мне невероятно повезло: случайность за случайностью, но я тебя отыскал.

– Вера в судьбу – это как вера в высшие силы: для кого-то она есть, для кого-то – нет, а кто-то просто не уверен в своём выборе.

– Вера здесь не играет роли, если честно. Череда событий, запланированных или случайных, привела меня к данному разговору. И это неоспоримый факт.

– Но я всё ещё не понимаю, как я к этому причастна.

– Я считаю, что некоторые события, которые с тобой произошли в прошлом, могут быть весомыми зацепками в моём поиске. Они не напрямую связаны с моим отцом, но их анализ с вероятностью в девяносто процентов приведёт нас в нужное место и в нужное время.

– Какие события?

Юноша отвёл взгляд. Он упорно думал. Хотя до этого его речь тянулась чётко и плавно, словно заранее отрепетированная перед зеркалом, какая-то неуверенность повисла в воздухе. Мне показалось, что он просто не учёл моих вопросов, поэтому замолчал, но юноша, решительно и громко вздохнув, быстро выпалил:

– Странные. Абсурдные. Нелогичные. За гранью реально-

сти. Игнорирующие законы физики. Называй как хочешь.

– Пф... – фальшивый смех заполнил всё вокруг, – что ты... Я вполне себе обычный и скучный человек. Ты явно обратился не по адресу. Спасибо, конечно, за обед, но я, пожалуй, пойду.

Я вскочила и потянулась за белым пальто. Разговор явно завёл нас не в то русло.

– Пожалуйста, Лена, подожди, подумай! – тут же взмолился Вильям. – Я точно уверен, что в твоей жизни хоть раз что-то такое да произошло. Например, тот случай три года назад, когда животные сошли с ума и начали нападать на людей в зоопарках. Так, когда же это случилось?..

Вильям взглянул на свой широкий чёрный браслет. Экран загорелся, выплыл пятиугольный циферблат и какие-то буквы. «Крутые часы», – между делом отметила я, застёгиваясь.

– А, вот. Четвертое сентября 20XX года. Ты жила здесь?

«Случай в зоопарке? Что за нелепица? Три года назад я ещё не переехала. Но в сентябре...»

– Это не имеет значения. Я пошла.

– Постой, Лена, пожалуйста. Я... я заплачу за это!

Вильям выкрикнул это на весь ресторан. Официант, обслуживающий наш столик, как-то весь сжался: обед всё ещё никто не оплатил.

Дело было точно не в деньгах, но я остановилась. От нахлынувших воспоминаний в голове стали скакать, как летучие рыбы, всякие мысли. Откуда он узнал? Как нашёл меня?

Кто он такой? И что ему от меня надо? Дурацкий ворох дурацких вопросов. Именно он и заставил меня встать столбом в немом оцепенении.

Не в первый раз я так разрывалась между знанием и невежеством, между любопытством и безразличием. Много раз я оставалась в своём мирке, молчаливо соглашаясь провести в невежестве всю жизнь, лишь бы не стать дураком на пять минут, – почему же единственный раз, когда мне нужно уйти, я не могла ни шага сделать? Неважно, в какую историю вляпался этот юноша: он отыскал меня, сделал шаг навстречу без страха перед позором, с горящими глазами, с верой и надеждой на успех.

– А, ладно! – я вернулась, резко расстегнула пальто и села. – Будь что будет. В тот год, о котором ты говоришь, я только переехала сюда. И до переезда кое-что действительно случилось. Но, честно говоря, это такая глупость.

– На грани реальности и вымысла? Это то, что нужно! Расскажи, прошу.

Во всех красочных выражениях, которые только могли посыпаться из моего рта, я поведала воодушевлённому Вильяму одну из самых необычных историй своей жизни. И с передачей обычных слов неподъёмный камень безмолвия наконец скатился с усталых плеч.

– Значит, психбольница во Франции? Звучит подозрительно знакомо. Где-то я точно слышал подобное. Интересно, сохранились ли записи... Подожди секунду.

Вильям аккуратно достал из сумки толстый ежедневник с жёлтыми страницами и начал его пролистывать, неспешно и внимательно. Он казался крайне взволнованным. И его лицо вдруг просияло.

– Эврика! – крикнул он, а потом, скользя глазами по округе, шепнул: – Всегда хотел это сказать. Так... считаю, что больница – это часть ключа к разгадке. Цитирую: «раны были, но я чётко слышал голос Лисаны, её слова раздавались эхом в моей голове: „Представляешь, Асари устроил клинику во Франции для защиты ценностей, будто поблизости ничего стоящего не нашлось“. Я пытался уловить и слова её собеседника, но не смог. Разум окутал туман». Что думаешь? Ты можешь на сто процентов сказать, что ты была во Франции?

– Только по разговорам и телевизору. Там шли какие-то новости. Кстати, там как раз говорили про работы в зоопарке.

– Да, скорее всего, восстановление после разгрома. Там полнейший хаос творился. В общем, у нас появилась одна зацепка – это Асари. Мужчина, который привёл тебя в больницу по приказу Лисаны и таким образом уберёг от нападения взбесившихся зверей.

– Кто это?

– А, ну да. Лисана – моя приёмная мать. А Асари – мой спаситель. Несколько лет назад я попал в аварию, когда ехал в школу, а он вытащил меня и отвёз в больницу, – он быстро

сменил тему: – Скажи, кроме тебя кто-то ещё находился в той больнице?

– Я видела только медсестёр, администраторов, официантов и... так... ах да! Ещё усатого охранника.

– Нет, это не то. Может, что-то ещё запомнилось?

– Вроде нет. Много времени прошло, всё уже размыто. Я в шоке от того, что вспомнила те новости по телевизору.

– Мозг часто запоминает незначительные детали. Но информации недостаточно. Давай подумаем, что ещё в твоей жизни выбивается из колеи обыденности?

Воспоминания неспешно полились перед глазами, но я только откидывала их со словом «стрёмное». Станных событий много, но ни одно из них не могло иметь места в серьёзном разговоре. Хотя Вильям нашёл ту ниточку, которая привела нас к кое-какому взаимопониманию, никаких полезных воспоминаний на ум не приходило. Мальчишка же что-то судорожно записывал в дневник, не обращая на меня внимания.

– О, точно. Как тебе такая странность? Однажды я посмотрела очень грустный сериал. Я горько плакала в конце. Через несколько лет я снова на него наткнулась и решила пересмотреть. И будто в первый раз смотрела, сюжет абсолютно вылетел из головы. И вновь дойдя до душещипательной сцены, снова плакала навзрыд. Кто-то стёр мою память, да?

– Нет, это простая блокировка памяти из-за сильной эмоциональной нагрузки на мозг. Что-то ещё?

– У меня очень скучная жизнь, ничего даже на ум не приходит.

– Понимаю. Сложно заметить знаки, если не понимаешь их значения. А потом память размывает их, и чем дальше от события, тем труднее выхватить его.

– Да, ты прав. Если честно, есть события, которые я помню очень смутно, помню только начало, например, как в детстве купалась на озере и начала тонуть, а кто меня спас – нет, как ходила к мальчишке в гости, а его комнату – нет. Ладно, посиди тут, я схожу куплю мокко.

– А почему бы не заказать здесь?

– Во-первых, здесь его не делают, во-вторых, развеюсь, может что-то и придёт на ум. Не переживай, я обещаю, что вернусь.

Я вытащила из сумки свой кошелёк и потащила к кафе на другом конце фудкорта.

Разговор с Вильямом поднял мне настроение. Не знала я тогда, хочу ли ему помочь, привлекает ли меня денежное вознаграждение, или просто увлекает вся эта загадка с моей памятью. Но точно знала одно: мне льстит внимание чужого человека. Возможность выговориться ему как психологу, рассказать какие-то тайны и почувствовать, что ему помогает данная информация. А помощь другому и его похвала – бальзам на треснутую душу.

– А вот и я, – поприветствовала я, присаживаясь прямо на жёсткий бугор, торчащий из заднего кармана, – ой!

Я достала толстый, набитый мелочью кошелёк, положила его на стол и принялась вытягивать карту из переднего кармана. Такое положение я называла «руки-крюки». Около кассы я нервничала так сильно, что после оплаты карту клала отдельно от кошелька, а потом везде её искала. И, прекрасно понимая, чем вся эта ситуация может кончиться, решила сразу отправить карту на место. Кладя её в кармашек, я обратила внимание на старую визитку – маленький талисман, после событий с которым я, короче говоря, обрела себя и встала на ноги.

– Слушай, Вильям, – протянула я, привлекая его внимание.

– Ты можешь называть меня Вилли, если хочешь.

– Хорошо. Но у меня появилась ещё одна история. Как-то у меня украли деньги, на которые я хотела купить билет на самолёт, и я, расстроенная, сидела на скамейке в сквере. Ко мне подъехал мальчик и попросил уступить место ему и его отцу. Я согласилась, а в награду, скажем так, его отец передал мне визитку.

– Что здесь необычного? – он всё так же, словно под гипнозом, смотрел на свой дневник и красиво выводил некоторые слова красной ручкой.

– Отец этого ребенка как-то понял, что я нуждаюсь в работе, это раз. Потом я съездила в эту компанию. Правда, администратор дала мне от ворот поворот, потому что я не имела ни малейшего представления о том, кто вручил мне визитку.

А странно то, что на визитке был указан только адрес. Это два.

– Натянуто, конечно, – пролепетал малец, – но сейчас что угодно сгодится. Скажи мне, что визитка у тебя в кошельке.

– Да. Держи. Я хотела её выкинуть, но сама не заметила, как она оказалась здесь. Как талисман на удачу, что ли...

– Ух ты! Вот это работа! Знаешь, давай навестим эту компанию. У меня есть несколько вопросов к человеку, который дал тебе эту визитку. Официант! – Вильям вновь поднял руку.

– Чем могу быть полезен?

– Счёт, пожалуйста, и... вы можете сказать, – юноша протянул карточку, – что написано на этой визитке?

– Я полагаю, тут английская буква «ай».

– Благодарю, – только официант удалился, Вильям продолжил: – Стрелки определенно указывают туда. Поедешь?

– Конечно, похоже, я не смогу уснуть, если остановлюсь на этом.

Письмо девятое. Асари

Пышные снежинки продолжали без остановки заполнять чистотой этот тусклый, грязный город. Проезжая часть трескалась от красных и жёлтых огней мокрых машин. В предпраздничной суматохе затонула не только столица, но и целый мир. Но мы – другое дело, нас интересовала только предстоящая встреча. Я рисовала в голове облик таинственной серой лошадки, которая сделала мою жизнь чуть более красочной, запоминающейся. А бесконтрольные мурашки в волнительном предвкушении бегали туда-сюда по телу.

Мы неспешно скользнули мимо охранника, лениво очищающего дорогу перед входом, и, минуя великолепие вестибюля, подошли к стойке информации.

Играла простенькая гитарная мелодия, а в перерыве тишину заполняло журчание стекающей воды и пение птиц. Воспоминания об этом месте постепенно восстанавливались в голове. И, увидев знакомую девушку за стойкой, я вздрогнула. Она же поприветствовала нас улыбкой:

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте, Марина. Возможна ли сейчас встреча с Асари? – сказал Вильям как можно дружелюбней.

После того как мы вошли, мальчишка стал выглядеть очень плохо: даже при том, что он торопливо расстегнул свою куртку и снял шарф, создалось впечатление, будто ему

душно и нечем дышать.

– Вам назначено? – слегка удивленно спросила женщина и поправила очки.

– Нет, но у нас есть его визитка.

– Да? Покажите, пожалуйста, – она обеспокоенно покосилась на вторую девушку, та внимательно нас оглядела и отвела взгляд, будто проблемы коллеги никак её не касались.

Вильям повернулся ко мне, я тут же вручила ему картонную карточку. Он, вытирая бордовым платком мокрый от пота лоб, с трудом передал её Марине. Администратор, только взглянув на визитку, незамедлительно вскочила, обогнув стойку, предстала перед нами и отвесила низкий поклон:

– Прошу прощения за моё недоверие, уважаемые гости. Пойдёмте, я провожу вас к секретарю.

– Ну и что мне мешало показать ей визитку при первой встрече, а? – спросила я скорее у себя, чем у Вильяма.

– Слабость к этому чёртову давлению, – ответил Вильям, всё так же поправляя свободно лежащий ворот бледно-жёлтой рубашки и расстёгивая ещё одну пуговицу.

Мы прошли сквозь расступившийся перед нами водопад и попали в лифт, обшитый чёрной кожей. Снизу и сверху его освещали тёплые светодиодные ленты. Девушка нажала на кнопку с цифрой шесть. Лифт плавно закрыл дверь и полетел наверх.

Преодолев короткий, тускло освещённый коридор с красной бархатной дорожкой, мы оказались в приёмной. Слепи-

ло. Приёмная оказалась просторной светлой комнатой с широким окном, из которого и валила беспощадная белизна (хотя на улице уже наступила непроглядная тьма). Возле окна за компьютером сидела брюнетка. Завидев нас, она элегантно встала и отвесила лёгкий поклон.

– Малыш Вилли, какими судьбами? – она приблизилась к нему и потрепала по волосам, прижимая выпуклую, еле прикрытую платьем грудь к его лицу.

– Эльвира Детомировна, больше уважения к нашим «золотым» гостям.

– «Золотым»? Ха, да у нашего очаровашки Вильяма такто «серебряный» статус. А с ним, – она смерила меня взглядом, – ещё какой-то жалкий человек.

– Эльвира?! – в ужасе прикрикнула Марина, раскрыв глаза по пять рублей.

Дверь кабинета с табличкой «Генеральный директор» распахнулась. Из него с заразительным смехом и диким криком вылетел ребёнок с рыжими волосами.

– Алюсар, солнышко, не бегай перед гостями, – тут же остановила его Эльвира, но он отдернул её руку и приблизился ко мне.

– Привет! – весело поприветствовал он. – И тебя рад видеть, Вильям. Прошу, не обращайтесь внимания на эту страшилку, пойдёмте, пойдёмте, отец ждёт вас.

Я ещё разок взглянула на Эльвиру. Шикарная девушка: тоненькая представительная фигура с богатыми выпуклостя-

ми, очаровательное ухоженное лицо без каких-то заметных изъянов, угольные угловатые брови и слегка подкрашенные объёмные ресницы, две маленькие родинки под пухлыми насыщенно розовыми губами. Васильковое деловое платье идеально охватывало её тело, а бежевые босоножки на каблучке придавали длины ровным ногам. В общем, страшилой, как описал её задорный мальчишка, язык не повернулся бы назвать.

Мы зашли в кабинет.

– Это моё секретное убежище, как вам?

Кабинет Алюсара с первого взгляда приравнялся мною к детской комнате. И на столе, и на диване для гостей, и на полках, и на полу – везде лежали разноцветные мягкие игрушки; слева на стеллажах в беспорядке валялись всевозможные книжки, открытые и исписанные журналы, стопки с вырезками из газет. Подпирали эти стеллажи две большие открытые коробки с тонной непрочитанных писем. Напротив окна, в груде мягких медведей различных цветов и размеров, стоял письменный стол.

Справа же, около двери, где я и осталась стоять в силу своих стеснения и зажатости, расположился прекраснейший макет какой-то деревушки. Тонкая работа поражала: оригинальные круглые домики неправильной формы, с зелёными крышами, возвышались на холме, дорожки из коричневой брусчатки извивались, как змеи, а на них, как в садах около домов и на вспаханных полях, неподвижно застыли люди в

разноцветной одежде. Глаз не оторвать!

– Это восхитительно, как же я давно не видел подобных игрушек! О, это очки виртуальной реальности? Здешние?

– Да, я старался их улучшить – жалкая затея. А как тебе это?

– Ух, это невероятно! Ты сам это собрал?

– С двумя подчинёнными. Вилли, прикинь, это самая детализированная модель Град-банка! Такую больше нигде не сыщешь! Я изучаю архитектуру в свободное время. У меня уже есть двенадцать моделей, даже твоя академия есть – правда, она сейчас на выставке, – и ещё четыре проекта. Планирую дальше строить Дворец тысячи башен. Госпожа, наконец, одобрила эту идейку. О, да, а вот тут у меня есть комиксы. Хотите что-нибудь почитать?

Радостный Алюсар отдернул ковёр, лежавший на середине комнаты, и открыл люк. Из него в библиотеку спускалась верёвочная лестница. Запахло новыми книгами.

– Прости, Алюсар, но не сегодня. Мы всё-таки пришли к Асари.

– А, точняк, – он отпустил люк, – отец за этой дверью. Желаю удачи!

Мальчик показал пальцем на дверь справа. Её украшала сотня наклеенных стикеров, а сверху висела еле различимая табличка «Заместитель генерального директора». Вильям постучал и открыл дверь.

Мы вошли в роскошный мужской кабинет. Полумрак и

дым окутывали это место. У меня тут же от страха и застоявшегося запаха одеколona свело желудок. Чёрные кожаные кресла возле массивного шоколадного стола будто приглашали нас присесть. Вильям повиновался, я же, корчась от невыносимой боли, потащилась следом. Едва лишь приземлилась на жестковатое кресло – глаза мгновенно встретились с безжалостным мужским лицом.

За столом, будто на троне, восседал он. Гигантский мужчина с необъятными плечами, упакованными в шёлковый бордовый костюм с чёрным галстуком. Грозный взгляд начальника, но хорошо сохранившееся чистое прямоугольное лицо. Он не улыбался, только очаровывал своих гостей всепроникающими гипнотическими фиолетовыми глазами. Постепенно лицо его смягчилось, даже поднялся краешек губ, и он заговорил:

– Мы ведь впервые встречаемся лично, да, Вильям? Позволь должным образом представиться, я – Асари Лисакура, человек, чью кровь ты носишь в своих венах.

– О, так это случилось на самом деле? Интересно, интересно, это нужно зафиксировать.

Вильям тут же полез в сумку, достал свой дневник и жадно принялся записывать свои впечатления. «Так это и есть его отец или я что-то не поняла?»

– А как ты, дитя? – добродушно сказал Асари и улыбнулся, прожигая мою грудь восхитительными глазами. – Что-нибудь выпьешь?

– Нет, спасибо.

– Конечно, я имел в виду алкоголь, но у нас есть и чай. Эльвира, будь так любезна, завари чайку, – сказал он в телефон и вновь обратил на меня всё внимание: – Как ты себя чувствуешь?

– Необычно, если честно. В первый раз вижу подобные кабинеты.

– Буду честен, я ждал тебя тогда, когда у тебя случилось несчастье. Кабинет Алюсара, этого маленького негодника, ещё не выглядел так запущенно. Но ты постояла в зале нашей компании и ушла, так и не добившись встречи со мной.

– Да, такой уж я прогульщик всех выпадающих мне шансов. Никогда не довожу дело до конца.

– Тут ты права, – Асари рассмеялся, напряжение чуть-чуть спало. – Я надеялся, что в тебе проснётся искра, желание глубже вникнуть в тему, узнать о нас больше. Но ты так сильно бежала от реальности, так нуждалась в своём маленьком уголке, где тебя никто не найдёт, что вытащить тебя оттуда оказалось мне не по силам. Я и так сыграл во все игры, которые мне подсунули...

Не дав Асари договорить, в помещение с подносом влетела секретарь. На стеклянном журнальном столике она разложила чашки, тарелку с фруктами, пирожными и прозрачный чайничек зелёного чая с лимоном и мятой.

– Поддай мне ещё рюмку зелёного и можешь быть свободна.

Эльвира подошла к глобусу величиной с огромный сочный арбуз позади стола Асари, повертела его и открыла северное полушарие, вытащила из глобуса-бара одну из литровых бутылок с зелёной жидкостью, плеснула в рюмку, затем аккуратно подала её Асари и бесшумно выбежала из кабинета.

Асари повертел в руках рюмку с тонкой ножкой и влил горячительную жидкость в рот. Вильям закончил писать, принюхался и спросил:

– Это абсент?

– Да, хочешь попробовать? Единственное, что хоть как-то возьмёт рауса.

– Нет, нет. После того случая до сих пор мутит, а вот отчая я бы не отказался, – Вильям налил себе чашку. – Мы зачем пришли-то? Все подсказки указали на тебя, поэтому я надеюсь на твою помощь.

Асари захохотал, резво и заразительно.

– Когда-то однажды я имел неосторожность заключить маленькую сделку с одним существом. Глупую сделку. В обмен на полученную мной свободу, я должен был спасти другое жалкое существо. Но сделать это лишь раз. Поэтому, Вильям, – Асари, не договорив, встал за новой порцией абсента. Словно медведь, такой громадный и свирепый, он подошел к открытому глобусу, взял оттуда стакан, и, наполнив его зелёной жидкостью на треть, тут же залпом осушил.

Атмосфера немедленно изменилась, стала невыносимой:

воздух будто затрещал, сдавливая виски, голова закружилась. Фиолетовые глаза засверкали во мраке кабинета. Вильям снова начал задыхаться, а руки его сильно тряслись, когда он, подавившись, ставил чашку с недопитым чаем.

– Как я уже сказал, я выполнил всё, что он потребовал от меня. Даже если бы я знал, как тебе помочь, я бы не стал этого делать. В этой войне я не на его стороне. И ему следовало бы это знать. Дальше этот человек – твоя забота.

Не мешкая, Асари наполнил стакан наполовину, снова влил горячительную жидкость, но так и не повернулся к нам лицом. Мальчишка же поправил ворот, сжал кулаки и что-то прошипел, как змея. Он вскочил, больно схватил меня за руку и повёл из кабинета. Мы мигом проскочили пустую детскую Алусара, приёмную и быстро влетели в лифт.

Вильям тяжело дышал и всё ещё держал меня сильной и горячей рукой. Пот снова выступил на его лбу и поблескивал в тусклом свете ламп. Пролетев в мгновение ока через вестибюль, мы оказались на улице. Только там Вильям отпустил мою руку. Он жадно хватал морозный воздух ртом, словно после марафона. Ноги его еле держали, а руки пробивала сильная дрожь. Я же стояла в незнании и неведении, хотелось сбежать и укутаться в одеяло. Как, собственно, и сказал Асари...

– Ничего, – сглотнув, сказал юноша, – мы и сами справимся. Этот гад нам не нужен.

– Прости, Вильям, но всё это кажется нереально стран-

ным. Не думаю, что я выдержу всё то, что ты собираешься
взвалить на меня.

– Уже сдаешься? – он горько ухмыльнулся.

– Да.

Письмо десятое. Решение

Считается, что Новый год – самый любимый праздник и взрослых, и детей. Но я, разумеется, в силу своего бунтарского духа, считаю несколько иначе. Ночь, которая должна переполняться наивным волшебством и счастьем, слишком часто превращалась в горькие слезы, в грустное настроение, в избитые скучные празднования. Вспомнить, кроме пролитых в кровати слёз, больше нечего. Салют вызывает ужас, срубленные или искусственные украшенные ёлки – тоску, пьяные родственники – гнев, а Алексей, не любитель отмечать вообще любые праздники, – непонимание. Но прожив с человеком несколько лет, начинаешь подстраиваться под него, именно поэтому очередное празднование Нового года мы провели так же скучно и нелепо, как и всегда в нашей совместной жизни.

Перед праздником я хлопотала на кухне, но всё вываливалось из рук: сырое яйцо выскользнуло, банка с огурцами разбилась, вилки и ножи тоже решили, что их место на полу, куриные ножки подгорели, а в салат высыпалась вся соль из плохо закрытой банки. При этом мысли витали в неизведанных мне облаках, всё время натываясь на причудливого кудрявого мальчонку, на фиолетовые чарующие глаза его отца и, главное, на Вильяма – виновника всех моих неудач.

С нашей встречи прошло три дня, после моих слов мы

сразу же расстались. Но не проходило ни минуты, ни секунды, чтобы я не вспоминала часть разговора в ресторане или в офисе Асари. Перемалывать прожитые диалоги бесполезно, но попробуй только заставить мой мозг сконцентрироваться на другом...

Незнание сводило с ума. Детали из разговоров вызывали во мне сомнение и безысходное непонимание. Противоречивые чувства с разных сторон толкали меня, я же, повинувшись им, перекачивалась туда-сюда и чувствовала себя немощной и разбитой.

Вот я, словно наяву, вижу, как началось моё знакомство с Вильямом. Как он меня нашёл? Откуда узнал о том странном событии? Я открылась ему просто из любопытства (знаю, когда-нибудь это стремление заведёт меня в ад). Вот мы начали понимать друг друга, но точки тут же разошлись из-за моих страха и неуверенности, которые с рождения подпирали бока. Разумеется, мне хотелось узнать правду, что-то старое вспомнить, новое – понять, но при этом, чувствуя сверлящий взгляд фиолетовых хищных глаз, я ощущала, как цепи ужаса сковывали меня, а неприятные последствия пугали до смерти. Это как просмотр страшного сериала: серию досмотрел, сюжет-то не закончился, а хочется глянуть следующую, раскрыть все тайны, всё узнать и разложить по полочкам, но от понимания того, через сколько нужно пройти, сколько нервов потратить, чтобы хоть на сантиметр приблизиться к желанной концовке, руки невольно опускаются. А самое ужас-

ное – эта концовка может и не понравиться вовсе. Хотя в конце жизни человеческой всё равно смерть, какое бы окончание своего сериала ты ни выбрал. Но я о любом буду жалеть. При любом выборе.

Я жаждала повторной встречи с Вильямом из-за нарастающей внутренней пустоты. Каждый звонок с неизвестного номера давал надежду, которая не только не оправдывалась, а ещё больше затягивала в топкое болото. Но так как мальчишка не оставил контактных данных, я бесцельно гуляла в торговом центре, бегая глазами от одного человека к другому.

Седьмого января – в православное Рождество – мы наконец встретились в «Круговерти». Вильям беззаботно пил эспрессо и пожирал глазами бургер мужчины за соседним столом. Улыбаясь и неся поднос с мегабургером, сырными палочками и безалкогольным глинтвейном, я подсела к нему за столик.

– Это тебе.

– И тебе привет, – ответил Вильям, шустро открыл шуршащую упаковку и начал есть бургер с завидным аппетитом.

– Почему ты сам ничего не купил?

– Я не хотел есть, – ответил он и жадно откусил полбулочки с вытекающим из неё сырным соусом.

«Ну да, конечно», – улыбнулась я.

– Я пытался внушить тому мужчине, которого ты мне, кстати, загородила, вредность пищи, которую он поглощал.

– И как, сработало? – Я повернулась и увидела только пустой столик. – Ой, очевидно, нет.

– Что ты решила? Хочешь продолжить? Или сначала что-то узнать?

– Не знаю. Я всю жизнь в подобных раздумьях, поэтому в печальной ситуации просто кидаю монетку. Сейчас же моё нутро желает помочь тебе вне зависимости от того, что я получу за это взамен. Конечно, хотелось бы начать с вопросов, но я просто не умею их задавать. Давай сделаем так: я помогу тебе, просто потому, что я не могу поступить по-другому, а когда ты найдёшь своего отца, ответишь на мои вопросы.

– Пожалуйста, если ты сама этого хочешь, – Вильям кивнул. – Кстати, о денежном вознаграждении. Стой, ничего не говори. Я обещал и своё слово держу. Такая сумма тебя устроит?

Вильям вытащил ручку, написал красной пастой на салфетке число и, перевернув, подвинул мне.

– И у тебя есть такая сумма? Тебе, блин, деньги девать некуда?

Мальчишка молчал в ожидании моего ответа. Возможность отказать изумрудным глазам бесследно испарилась.

– Что же с тобой делать... Устроит. Так... Ты же уже придумал план?

– Как ты относишься к гипнозу?

Письмо одиннадцатое. Сеанс

Директор – доброй души человек – давно настаивал на моём отпуске. И когда в новогодние каникулы я его побеспокоила своим звонком с просьбой взять пару недель административного отпуска после праздников из-за возникших «семейных» проблем, он предложил мне альтернативу в виде ежегодного оплачиваемого отпуска, ни один день из которого в прошлом году мной так и не был отгулян. Я согласилась, желая поскорее закончить с этой прелюдией и приступить к поиску отца Вильяма.

Седьмого января мы абсолютно ничего не добились: реализация гипноза в многолюдном месте провалилась ниже, чем туннель самого глубокого метро. И дело заключалось не только во мне, но и в сосредоточенности самого Вильяма.

Ночью я очень плохо спала: видела какие-то странные сны, притягательные и страшные. Хорошо запомнился эпизод с медведем, которого я пыталась сфотографировать на камеру, пока он гонялся по каменистой речке за охотниками. Впервые я чувствовала, что дикий зверь не только не желает мне зла, а, наоборот, хочет защитить. А потом сцена переключилась. Я оказалась в классе на уроке английского языка. Учительница назвала мою фамилию, я встала и встретила обращенные в мою сторону хищные взгляды одноклассников. Женщина попросила пересказать текст о дружбе во-

робья с ящерицей, который я совершенно не знала. «Опять забыла? Где же ты свою память оставила?» – закричала она, и я в ледяном поту открыла глаза.

Утром восьмого января, после утряски всех насущных проблем, я во тьме тихонько собралась и помчалась в гостиницу «Заря» за новой порцией интересных таинств.

Слепая уверенность и радость, наперекор всем переживаниям и волнениям, заполняли нутро и дарили огонь энтузиазма каждой клеточке засохшего организма. В душе пела страстная мелодия, быстрая и громкая. Приятное чувство удовлетворения своим положением, своим выбором, своим новым занятием разливалось по телу, все сомнения и сопротивление при выдохе испарялись в морозном воздухе вместе с горячим дыханием.

– Ещё только девять, – открыв дверь и сонно зевнув, произнес Вильям с гнездом на голове и впустил меня.

Номер с бежево-оранжевыми стенами оказался тесным, но уютным. Двухспальная мягкая кровать занимала большую часть пространства, но помимо неё в комнатку вместились: прикроватные бело-серые тумбочки с тарелками фруктов на каждой из них, низкое глубокое кресло, обитое красным велюром, широкий глянцево-белый рабочий стол, вмонтированный в стену, и пара жёстких деревянных стульев.

Подвешенный на стене телевизор что-то болтал себе под нос. Я бесцеремонно взяла тарелку винограда, плюхнулась в низкое кресло и начала разглядывать Вильяма. Он, впол-

голоса ругаясь на мой ранний визит, неуклюже наклонялся в махровом белом халате к каждой разбросанной в номере вещи. Меня интересовало, что он уже знает о своём отце, но я не решалась об этом спросить. Вопросы не мой конёк, увы. Правда, в какой-то степени нутро чувствовало, что с продолжением наших встреч он откроется, расскажет что-то сам.

– Я ещё хотел бы принять душ, ты не против? – спросил Вильям, кладя на плечо банное полотенце.

– Конечно, иди.

Шум воды напрочь перебил монотонный голос диктора, которого я, зевая, якобы пыталась послушать. Наверное, мне стоило бы найти пульт и прибавить громкость, но глаза побегали по номеру и невольно уставились в окно. Серая бесконечная стена ватных облаков заполнила всё небо. Скучно...

Взгляд упал ниже. На подоконнике валялись пачки из-под чипсов, пустые тёмные бутылки без этикеток, шкурки мандаринов и какая-то книжка. Рука бессознательно потянулась за интересной находкой в куче мусора. Обложка из нежной и тёплой серо-зелёной кожи оказалась хорошо мне знакома. Необыкновенный дневник, который Вильям таскал в своей сумке и доставал каждый раз, как к нему в уши или глаза залетала какая-то важная деталь этого мира. «Вряд ли он узнает, если один мой глазок заглянет внутрь. Любопытство не порок, конечно...» – сразу промелькнуло в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.